

Я стою на площадке трамвайного вагона, и у меня нет никакой уверенности насчет моего положения в этом мире, в этом городе, в своей семье. Даже приблизительно я не мог бы сказать, какие притязания вправе я на что-либо предъявить. Я никак не могу оправдать того, что стою на этой площадке, держусь за эту петлю, еду в этом вагоне, что люди сторонятся, пропуская вагон, или замедляют шаг, или останавливаются перед витринами... Никто этого от меня и не требует, но это безразлично.

Вагон приближается к остановке, девушка подходит к ступенькам, готовясь выйти. Она предстает передо мной так

отчетливо, словно я ощупал ее. Она в черном, складки юбки почти неподвижны, блузка в обтяжку, с воротничком из белого густого кружева, левую руку она прижала ладонью к стене, зонтик в правой стоит на второй сверху ступеньке. Лицо у нее смуглое, кончик носа, по бокам слегка вдавленного, округл и широк. У нее обильные каштановые волосы, чуть растрепавшиеся на правом виске. Маленькое ухо почти притерто, но мне, поскольку я стою близко, видна вся тыльная сторона правой раковины и тень у самой ложбинки.

Я спросил себя тогда: как это получается, что она не дивится себе, что она не раскрывает рта и ничего такого не говорит?